

КАЙЗЕР

М.Ч.

Почему-то я вспомнила его сегодня, в первой группе учился, длинный такой, белобрысый, с трубкой ходил, а лицо детское – ему даже сигареты иногда не продавали: мал еще. У него потом постепенно ноги отнимали – сначала одну, потом другую: после института уже, такая болезнь со сложным названием, что-то сосудистое.

Сделался он впоследствии художником-графиком и занимался нешуточно буддизмом с каким-то тоже хитрым уклоном, и даже жена у него была одна японистка. И всю жизнь я с ним ругалась – то за одно, то за другое, тем более, мы рядом на Сретенке жили, да и позже тоже. Он старше ровно на две недели был, тоже в четверг родился, и слегка за мной приволакивался, – может, поэтому.

Ну какая там графика, у нас полкурса так рисовало, ей богу; встречались иногда раз в год, но систематично. И так лет двадцать, боже, какой у него гнусный был характер, особенно когда учительствовать повадился по буддистскому делу – такая пурга, такая пурга.

Я обрушивалась на него из ниоткуда – с дачными компотами, с пивом Кайзер, – его же называли кайзером в школе, с леденцами mentos grape, он любил – ябедничала на мужей, хвасталась, ссорилась, съедала всю курагу и убегала посреди ночи.

Помню, как дуб у него завелся: он посадил веточку в ведро и выставил на балкон – или, говорит, выживет, или загнетса, если карма плохая, – а я злилась, потому что дубы в ведре не живут, а Черепанов фашист, и немецкий знает. Помню, как он гипнотизировал ворон и учился двигать предметы взглядом, как рассказывал про сретенских домовых, с которыми нешуточно знаком, помню его дурацкую желтую куртку, и как тихо звенели буддистские бубенчики возле его двери.

А последний раз я под новый год к нему приезжала, он седой такой стал, представительный, с артистическим жиденьким хвостиком, и обстановка кругом была самая возвышенная, и картины на стенах тоже все в рамочках. Он возле Ваганьковского уже жил, у самого метро, на высоком седьмом этаже. Ну и поругались под конец опять, как обычно, хотя в тот раз несильно, даже и созванивались еще немножко, пока я не уехала, а письма писать он не любил.

А жизни его было до 15 февраля 2006 года, и зачем тебе это все нужно, пес его знает. Просто сейчас набрала его в поисковке, а там уже две даты на жизни стоят. Кому же мне это сказать, у нас тут Америка.

Царствие.

Анна Хоси

Каждому дано время, но никто не знает, сколько.
Временем управляет небо, но каждый заводит свои часы сам.

У него комната была в материной квартире в Последнем переулке, и там вот на стене это было написано, черными архитектурными буквами, по-немецки. Я удивлялась, – разве можно на стене вот так просто писать. Он курил черные кубинские сигареты Ligeros, заваривал черный чай, и мы разговаривали до утра о книжках, а потом по холодку я возвращалась по пустым неровным переулкам, и предсмертно пахло отлетающим московским летом.

Где-то он там, в этом сереньком сретенском небе.

June 2007

Анна Хоси